

храбрые и послушные воины поражены такимъ ужасомъ и сумасшествіемъ, что сами добровольно ускоряютъ свою жизнь.

„Наполеонъ идетъ со своею гвардіею и пѣхотою; о кавалеріи и думать нечего: ея нѣтъ. Я не знаю, гдѣ онъ возьметъ конницу, необходимую для передовыхъ разъѣздовъ. Артиллеріи также почти нѣтъ; небольшое количество артиллерійскихъ лошадей едва въ состояніи сдѣлать 6 дней пути, а до Вильны отсюда 12 дней пути. Собраны все сани, сколько ихъ нашлось въ городѣ, и, несмотря на то, что я чрезвычайно боленъ, и едва могу держаться на ногахъ, я принужденъ ѣхать верхомъ. Сколько просьбъ стоило мнѣ, не говоря уже о деньгахъ, чтобы только подковали мою лошадь! Весь мой багажъ принужденъ я оставить въ Смоленскѣ“.

Подвигъ маршала Нея.

1-го ноября, близъ города, на Покровской горѣ, появились казаки, а 2-го числа показались и русская армія; французы спѣшили оставить городъ и 5-го ноября покинули его. Наполеонъ распорядился взорвать крѣпостныя башни; были подведены мины подъ все башни, но взорвать успѣли лишь 8, остальные были спасены егерскимъ полкомъ майора Горихвостова, занявшаго городъ тотчасъ по оставленіи его непріателемъ. Озлобленные жители бросились на французскихъ мародеровъ, не послѣдовавшихъ за своими войсками, ихъ бросали въ пламя горѣвшихъ зданій, топили въ прорубяхъ р. Днѣпра. Пожаръ вновь разлился по городу какъ отъ взрывовъ башенъ, такъ равно и вслѣдствіе того, что враги по домамъ разсыпали порохъ и вставляли въ кучу его зажженные свѣчи.

Далѣе Пюибюскъ писалъ отъ 3-го ноября:

„Здѣсь остается еще часть третьяго корпуса, составляющаго арьергардъ арміи. Сегодня морозъ 25 градусовъ, непріятельскія ядра летаютъ надъ нашими головами. Въ городѣ въ разныхъ мѣстахъ пожаръ; привлеченный шумомъ, пробѣгаю по разнымъ улицамъ; какое ужасное зрѣлище представляютъ бѣдные наши солдаты. Черныя, впалыя лица, изнуренные; изорванные лохмотья, которыми они окутаны, придаютъ имъ видъ чудовищъ, особенно среди дыма и пламени пожара.“